

Перспективы демократии в сознании россиян

Уже 10 лет в России идет процесс трансформации политической системы. За это время сменились режим и институты власти, элиты и система официальных политических ценностей, среди которых центральное место заняли демократические цели и ориентации. Ровесники начала перестройки уже школьники. У них сейчас больше шансов стать скаутами, чем юными ленинцами, хотя и это не исключено. Пришло новое поколение, чье знакомство с политикой будет строиться на целях и ориентациях, отличных от тех, которые Сопровождали жизнь их родителей. Похоже, намечается серьезный разрыв между поколениями, какого наша история не знала со времен гражданской войны и на который наша политическая наука пока обращает мало внимания. Между тем перспективы развития российской демократии могут быть рассмотрены именно сквозь призму тех психологических изменений, которые связаны с приходом новых поколений.

В политологии есть понятие, с помощью которого описывается важный аспект происходящих изменений в политическом сознании и поведении людей,— *политическая социализация*, т. е. процесс включения человека в политическую систему. С точки зрения системы происходит воспроизводство ее институтов, осуществляется преемственность важнейших политических ценностей. Но со смелой политического ландшафта даже в рамках одного жизненного цикла возникает необходимость рекрутировать новых участников, снабдить их официальными ценностями и тем самым укрепить систему.

В литературе достаточно хорошо описан процесс первичной политической социализации, в ходе которого личность оснащается базовыми представлениями. Даже если они напрямую не связаны с политикой, то, став фундаментом личности, впоследствии оказывают на восприятие серьезное воздействие. Это относится прежде всего к таким психологическим образованиям, как оценка мира в терминах дружелюбности-враждебности, оценка людей как достойных или недостойных доверия, убеждение в подконтрольности событий индивиду или судьбе, а также самооценка.

Становление личности в ее гражданском статусе происходит под влиянием политической среды, куда входит весь набор институтов, факторов и агентов социализации. При этом на личность воздействуют не только собственно политические факторы, хотя они и имеют первостепенное значение, но и неполитические условия, в которых происходит созревание человека: семья, группы сверстников, школа, работа, церковь, искусство, культура, средства массовой информации. Их значение определяется тем, что в непрямой форме они ка-

нализируют базовые личностные ориентации на власть, конфликт и порядок, на насилие и терпимость, на свободу и дисциплину.

Младшие члены общества входят в мир, лишенный не только стабильности, которая необходима для правильного формирования личности, но и идеалов, воплощенных в героических образах. Самопожертвование стало немодным. Нашим детям и дома, и в школе внушают, что любить надо прежде всего себя, а коллективизм должен уйти в прошлое. Школа, все образовательные институты испытывают растерянность, не понимая, как выполнять свою воспитательную миссию. Учителя вместе с большей частью нашего населения, утратив прежнюю систему политических ценностей, не получили взамен новой. Выработать же ее в одиночку каждый из нас не в состоянии.

Отражением данной тенденции служат и новые учебники, содержащие невероятный разнобой мнений. Раньше мы имели не просто одинаковый для всех набор политических ценностей, транслируемых учебниками, но и жестко догматизированную их систему. Она давала искаженный идеологическими клише образ мира, где все советское было великим и прекрасным, а все западное — прогнившим и реакционным.

С началом политических реформ у наших младших сограждан создавался прямо противоположный образ своей страны: все отечественное плохое, все зарубежное — замечательное. Новые политические стереотипы транслировались по преимуществу через средства массовой информации и приходили в противоречие с тем, что дети читали в школьных учебниках, наспех переписанных и не дающих авторитетного видения политической реальности. Легко представить результат такого противоречивого воздействия: будущие граждане получили мощную прививку политического цинизма и безверия.

Ученики, от первоклашек до выпускников вузов, нашли способ справиться с проблемой: они ориентируются на то, чего от них ожидает конкретный учитель. В педагогической практике складываются весьма драматичные коллизии между учителями и учениками. С одной стороны, учитель не может опереться на официальные требования, например в трактовке того или иного исторического события: ученик может возразить, что у него иное мнение. В этой ситуации учителю приходится уповать на свой личный авторитет в глазах детей. С другой стороны, ученик теперь еще более беззащитен перед субъективизмом учителя, школы.

Результатом политической социализации становится зрелый гражданин, не подверженный колебаниям политической конъюнктуры, способный без посторонней подсказки принять решение по важнейшим вопросам. Стержень его личности — выработанные в ходе первичной политической социализации базовые убеждения и принципы, позволяющие сохранить личностную устойчивость. После определенного возраста личность, ее активность сами превращаются в важнейшее «сито», просеивающее внешние влияния, позволяющее сделать выбор. И если мы считаем себя зрелыми гражданами, то не должны ссылаться на то, что «нас так воспитали», «нам приказали», «мы люди маленькие». Взрослый несет ответственность за свое поведение, в том числе и в сфере политики, руководствуясь собственными представлениями о том, что входит в его обязанности и права как человека и гражданина.

Конечно, за самыми юными — будущее новой российской политики. Но не в малой степени оно определяется и реакцией на происходящие изменения со стороны старших поколений граждан. Что произошло с ними за 10 лет реформ? Очевидно, практически всем поколениям наших граждан за это десятилетие пришлось переучиваться, чтобы приспособиться к новой политической реальности. Речь идет не о приспособленчестве, а именно о *ресоциализации*. Этот процесс варьируется от кардинального пересмотра прежних политических ценностей до стремления сохранить свои взгляды неизменными вопреки давлению политической среды. Одни наши сограждане осознанно и рационально произвели «инвентаризацию» своих убеждений, другие недостаточно отдавали себе отчет в происшедших с ними переменах. Ясно одно: процесс ресоциализации граждан

оказался в России невероятным по масштабам. За эти годы пришлось учиться новой политической лексике, нормам. Россияне изменили и политическое сознание, и поведение, чтобы в контексте новой политической реальности выразить свои жизненные интересы в сфере политики.

В политической науке нет пока достаточно надежных данных о том, что происходит с целями и ценностями, усвоенными с детства, когда на смену приходят новые, усваиваемые по мере изменения общественного климата. Мы не знаем, действительно ли демократические ценности вытеснили (или вытесняют) авторитарные, хотя большинство современных политологов именно в этих терминах описывают трансформацию постсоциалистических обществ. Существует ли связь между степенью поддержки демократических реформ и типом личности, ее базовыми ценностями, полученными в процессе первичной политической социализации? Влияет ли, и если да, то как, поколенческий опыт на политические убеждения и поведение людей?

Поиск ответов на эти вопросы побуждает к построению теоретической модели и эмпирической проверке ряда гипотез, касающихся природы тех политико-психологических процессов, которые вызваны трансформацией российской политической системы. Наш подход основан на интерпретации этих процессов в контексте общей теории политической социализации, понимаемой как двухсторонний процесс, в ходе которого, с одной стороны, происходят воспроизводство политической системы и передача политических ценностей от одного поколения к другому, а с другой — идет поэтапное формирование у личности политической картины мира и моделей политического поведения под влиянием агентов социализации [1]. В дальнейшем картина мира может меняться, корректироваться, но ее основные параметры фиксируются в структуре личности. В случаях дисфункций системы, затрудняющих передачу политических ценностей (прежде всего официальных) новым поколениям и дезориентирующих уже сформировавшихся граждан, у последних происходит возврат к ранним базовым представлениям, полученным на этапе первичной социализации [2].

Данная концептуальная модель оказалась эффективным инструментом для анализа политической социализации в развитых демократических политических культурах Запада, особенно во время кризиса 60—70-х годов. При этом исследователи основное внимание уделяли детям, подросткам и молодежи. Это было оправдано, поскольку названные группы населения были в большей мере задеты кризисом [3]. Применима ли эта схема анализа для описания того, что происходит в постсоциалистических обществах, и если да, то в какой степени? Очевидно, если и применима, то частично.

Кризис политической социализации, который мы наблюдаем в России, не имеет прямых западных аналогов. Во-первых, хотя кризис имеет место во всех возрастных группах, он затрагивает не столько младшие, сколько старшие возрастные когорты, которые значительно хуже адаптируются к новым политическим условиям. Последнее обстоятельство побудило нас сделать акцент в исследовании на возрастных группах, которые подверглись ресоциализации. Во-вторых, ресоциализация затруднена идеологическими причинами: новые демократические ценности, приобретя официальный статус, не получили адекватной систематизации, что препятствует их трансляции от политической системы к личности. В-третьих, из-за специфики поколенческого опыта у каждой возрастной группы ресоциализация происходит как многослойный процесс, в котором опыт первичной социализации нередко преломляется и даже не один раз.

Данное исследование выполнено студентами и аспирантами социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством автора в 1993—1995 годах. Исследование носило преимущественно качественный характер, хотя были получены и интересные количественные результаты. Помимо анкеты, ставящей целью выяснить нынешние политические ценности, предпочтения и убеждения респондентов, с ними проводились глубинные интервью и тестирование на уровень субъективного контроля (адаптированный тест Роттера). Опрошено 73 чело-

века, принадлежащих к различным социальным и профессиональным группам; среди респондентов — мужчины и женщины в возрасте от 13 до 85 лет, отличающиеся друг от друга по своим политическим пристрастиям. Кроме рядовых граждан, в числе респондентов были политики из семи фракций Государственной Думы.

Объектом исследования стали группы населения, которые уже достигли определенной степени зрелости политического мышления и прошли (или заканчивали) первичную политическую социализацию. Дети и младшие подростки не были включены в число опрошенных, поскольку они воспринимают демократические ценности как нечто само собой разумеющееся. Возрастные группы разделены следующим образом: 13—18-летние — 11,1%, 18—25-летние — 22,2%, 25—35-летние — 15,3%, 35—45-летние — 15,3%, 45—55-летние — 25%, 55—65-летние — 6,9%, 65—85-летние — 4,2%.

Некоторая неравномерность выборки не имела существенного значения, так как акцент делался на выявлении качественных тенденций.

Было опрошено 62,5% мужчин и 37,5% женщин. Что касается рода занятий, то среди них были школьники, студенты, рабочие, врачи, экономисты, менеджеры, пенсионеры и др. Их образовательный уровень охватывает все ступени образования, хотя в выборку, которая имела случайный характер, попало много респондентов с высшим образованием. Как показал дальнейший анализ, большое значение для интерпретации результатов имело семейное положение опрошенных. В частности, отсутствие семейных уз у разведенных и вдовцов старших возрастных групп оказало серьезное эмоциональное влияние на их восприятие всех сторон жизни, включая политику.

Предмет исследования — «послойная» реконструкция нынешних и более ранних политических представлений опрошенных. Так, во-первых, выявлялись последние по времени взгляды респондентов на политику, их установки на *власть* (реальную и идеальную), на *государственные институты* и *режим*, на политических *лидеров*, на *ценности демократии*. В исследовании выяснилось: интересуется ли опрошенных политика, что они о ней знают, какие чувства к ней испытывают, к каким поступкам готовы.

Во-вторых, предметом анализа были механизмы политической социализации. В частности, в опросе и интервью фиксировались такие параметры, как модель власти в семьях респондентов в их детские годы и сейчас, опыт подчинения и доминирования в отношениях с родными, сверстниками, учителями и др. Одна из гипотез объясняет различия в восприятии демократических ценностей поколенческими различиями в моделях социализации.

В-третьих, для понимания взглядов и установок респондентов на демократию необходимо было учесть не только факторы политической и социальной среды, но и саму личность как результат первичной социализации. Предметом исследования стали прежде всего те психологические качества, которые способствуют или препятствуют принятию новых (в нашем случае демократических) ценностей, норм и ориентации. В литературе давно описан авторитарный тип личности, в котором преобладают такие качества, как нетерпимость к инакомыслию, стремление доминировать, этноцентризм, отказ от рациональности, неприятие демократических ценностей (в частности равенства и справедливости) [4,5]. Между тем политическим психологам гораздо меньше известно о другом типе личности — «демократическом». Некоторые авторы (П. Снидерман [6], Д. Реншон [3]) высказывали гипотезу, что для развития демократии необходимо, чтобы этот тип личности получил достаточно широкое распространение (хотя о пропорции «авторитаристов» и «демократов» в разных типах систем мы ничего не знаем). В исследовании мы исходили из предположения, что практика демократического участия основана на неполитических, в частности культурных и психологических, моделях поведения, которые способствуют закреплению политических норм демократического образца.

Для эмпирической проверки были выделены следующие показатели, операционализирующие понятие «демократическая личность»: открытость,

терпимость, способность к компромиссам, свобода от бессознательной тревожности, приоритет рационального начала в выборе политической позиции, отсутствие стремления к подавлению других, признание людей равными, активная жизненная позиция.

О наличии или отсутствии указанных качеств можно судить как по ответам на вопросы анкеты, так и по фокусированному интервью. Результаты по обеим методикам сопоставлялись с результатами теста Дж. Роттера на уровень субъективного контроля [7]. В литературе приводятся данные о том, что по одной из важнейших базовых ориентации люди делятся на «инициаторов» и «пешек», или интерналов и экстерналов. Первые имеют высокий уровень потребности в контроле и рассматривают себя как причину происходящих с ними событий (как приятных, так и неприятных). Вторые, напротив, ищут причину происходящего с ними вовне, имеют низкий уровень потребности в контроле. Эта психологическая характеристика формируется в раннем детстве, хотя позже может меняться под воздействием отдельных событий. Наибольшее влияние на уровень субъективного контроля оказывает структура семейной власти.

В работах С. Реншона показано, что личность с высоким уровнем субъективного контроля обладает активизмом, стремлением участвовать в политической деятельности. Есть данные и о том, что потребность в контроле связана с проявлениями политического отчуждения. При этом экстерналы (низкий уровень locus-контроля) имеют высокие значения политического отчуждения, а интерналы — средние и низкие значения. Примечательно, что уже первые работы по исследованию воздействия уровня личного контроля на политическое поведение и сознание показали, что в периоды кризисов политической социализации (конец 60—начало 70-х в США) интерналы составляют небольшой процент. При усложнении политической жизни людям становится труднее осуществлять над ней свой контроль, что вызывает рост тревоги и отчуждения.

Приведем наиболее интересные из полученных результатов, сгруппировав их по возрастным группам. Это позволит увидеть поколенческие различия в восприятии политики, в отношении респондентов к демократическим ценностям.

Группа 13—18-летних

Первичная политическая социализация. 13—18-летние отличаются тем, что их первичная политическая социализация совпала с годами перестройки. О них трудно сказать, что они ресоциализировались в последнее время, их первичные ценности практически совпадают с нынешними официальными. У них нет четкого принятии (или неприятия) системы, режима, Их представления о власти и на когнитивном, и на эмоциональном уровнях колеблются. Это связано не только с незрелостью политической картины мира, понятной в их возрасте, но и с тем, что она изначально складывалась как неустойчивая.

У большей части респондентов воспитание не было жестким, хотя некоторые вспоминали о том, как их наказывали и даже били. Мало кто из опрошенных сохранял с родителями безоблачные отношения. Чаще всего родители были непоследовательными: то строгими и даже жесткими, то мягкими и либеральными. Респонденты страдали и от нехватки ласки и внимания, и от отсутствия требовательности и определенности. Авторитетом родители (отец или мать) для них являются крайне редко. Многие говорят: «мой отец или мать не являются для меня авторитетом, я их просто люблю».

Вне семьи политическая социализация также была не слишком успешной, хотя в отдельных случаях, будучи детьми и подростками, наши респонденты встречали учителей, которые стали для них авторитетами. Однако общественные организации (кроме пионерской) оставили крайне негативные воспоминания. «Большую политику» запомнили как скучную («лозунги, как бельмо в глазу», «речи лидеров похожи на звук тархтящего трактора»), не имеющую к ним никакого отношения, за исключением смертей престарелых вождей. Момент на-

чала перестройки с появлением нового лидера М. Горбачева вспоминают как положительный. В целом и школа как агент политической социализации оставила нечеткий, довольно тоскливый след в политической картине мира тех, кому сейчас от 13 до 18 лет. Примечательно, что именно школьный опыт произвел на опрошенных определенное впечатление: успех в любой деятельности ассоциируется у них с умением подчиняться. Об этом свидетельствует значимая корреляция между высокими значениями интернальности достижений и предпочтением отношений типа «учитель — ученик».

Нынешние политические установки и ценности. Политические представления имеют многослойную психологическую структуру. В психологической литературе принято выделять три уровня установок: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Рассмотрим установки на политику наших респондентов по этой схеме.

Когнитивный срез. Знания о политике в этой возрастной группе абстрактны, хотя ее представители узнают отдельные политические фигуры. У них есть некоторая неуверенность при определении того, к какой политической ориентации относится тот или иной политик, кто из них — демократ, а кто — нет. Представления о демократии как о правовом государстве сформировались у всех респондентов. Именно с этой позиции они оценивают нынешний режим как слабый и неправовой.

Интерес к политике в группе невелик, а политические позиции чаще нейтральные (исключение — респондентка, которая идентифицирует свои взгляды как демократические). В представлениях о демократии есть особенность: для них в первую очередь важны такие ценности демократии, как свобода, личная независимость и права человека. Но одновременно они упоминают и о таких ее атрибутах, как сильное государство и соблюдение законов. На последних местах среди ценностей демократии в этой группе стоят ответственность и активное участие в делах государства.

Есть значимые корреляции между их представлениями о правах человека и несопадением со взглядами родителей, а также с ощущением слабости нынешнего режима. Но самое любопытное: отсутствие интереса к политике сочетается с удовлетворенностью властью и стремлением принять участие в выборах в роли кандидата в депутаты. Последний показатель дает наглядное представление о противоречиях в политическом менталитете самой молодой группы опрошенных. Вообще когнитивные структуры этой категории граждан носят наиболее противоречивый характер. Так, стремление к законопослушанию у них коррелирует только с одной формой политической активности: участием в забастовках. Одновременно в их сознании уживаются представления о демократии как о сильном государстве и нежелание признавать над собой власть этого самого государства. Те из них, кто все же признает над собой власть государства, исходят в своем представлении о политиках из того, что их мотивы стремления к власти исключительно благородны и направлены на общую пользу. Но если с признанием власти государства многие опрошенные испытывают трудности, то это не относится к признанию над собой власти начальства. Кстати, последнее признание коррелирует у них с терпимостью к оппозиции, что может свидетельствовать о растущей когнитивной сложности их представлений. На этапе завершения первичной политической социализации респондентам легче представить себе власть в виде конкретных образов (начальства), чем абстрактного государства, к тому же находящегося в кризисе.

Самые молодые участники опроса по своим убеждениям не являются сторонниками этатизма. Их совершенно не волнует, будет ли государство их опекать. Мало трогают их и процессы социального расслоения. Они верят в справедливость того, что меньшинство может управлять большинством. На вербальном уровне они все законопослушны, но не имеют конкретного представления о механизмах действия власти.

Эмоциональное восприятие власти характеризуется нейтральными или

позитивными установками. Последние проявляются в отношении таких институтов, как президентство, Федеральное собрание и милиция, которые ассоциируются у наших респондентов с сильной властью. Однако, несмотря на симпатию к этим политическим институтам, доверие к ним не выражает ни один опрошенный.

Поведенческие характеристики. Уровень активности у разных индивидов резко колеблется и окрашен личностными особенностями. Так, у девочки, сторонницы демократии, активизм проявляется на всех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Другой респондент, аполитичный по его собственной характеристике, на вербальном уровне проявляет апатичность. Но он же сообщил интервьюеру, что 3 октября 1993 года «случайно» нашел автомат и «пошел защищать Гайдара» к Моссовету. Еще один респондент называет свое политическое поведение «циничным приспособлением» к повседневности.

Группа 18—25-летних

Первичная политическая социализация. Эти молодые люди проходили свою первичную социализацию в годы застоя. Они еще успели познакомиться с идеологией и практикой советской системы периода геронтократического правления и подверглись индокринации официальными политическими ценностями брежневского образца. В отличие от предыдущей группы их ресоциализация осуществлялась в возрасте от 9 до 14 лет. Новые демократические ценности накладывались на уже сформировавшиеся представления о власти и государстве. Взгляды и поведение этой возрастной когорты сильно травмированы: их первоначально стабильная картина мира была разрушена, кризис не воспринимался ими как нечто естественное и нормальное.

Опыт семейной социализации наших респондентов был непростым. В большинстве случаев отец был главой родительской семьи, но не с ним, а с матерью, женой или другом наши респонденты пойдут советоваться в трудную минуту. Очевидно, власть отца носила достаточно формальный характер, хотя семейная социализация и относится к авторитарно-патриархальной модели.

Представление о власти, закрепившееся в ходе первичной социализации этой когорты, вписывается в рамки авторитарной модели. Власть признается ими чаще, чем более молодыми людьми. Многие признают власть государства, начальства и законов, хотя и не желают подчиняться отдельным людям. Примечательно, что они высказывают определенный пессимизм относительно построения демократии в России потому, что власть им кажется недостаточно легитимной. Водораздел между опрошенными проходит не по политическим или социальным основаниям: наибольшие отличия в отношении к власти обнаружились между мужчинами и женщинами.

Женщины в целом более послушны. Число тех, кто готов признать над собой власть государства, начальства и закона, в пять раз превышает число тех, кто не подчинится. В два раза больше женщин, которые признают над собой власть отдельных людей, по сравнению с теми, кто не признает. У мужчин картина иная. Они признают закон, затем начальство и в меньшей степени склонны подчиняться отдельным людям и государству. Среди них намного выше процент «анархистов», которые вообще не хотят признавать над собой власть. Интересно, что государство их очень раздражает: мужчин, не признающих его власть, в четыре раза больше, чем женщин.

Нынешние политические установки и ценности. **Когнитивный срез.** Политические ориентации в группе разделились между демократами, консерваторами и социалистами-анархистами. Большая часть респондентов определила себя как аполитичные. Отношение к политике отрицательное или безразличное, интерес слабый. Молодость респондентов объясняет их оптимистичное видение перспектив демократии в России, что не мешает им считать В. Жириновского одним из вероятных претендентов на пост Президента.

Политические установки данной возрастной группы окрашены

элитаристскими и этатистскими настроениями. Многим опрошенным не кажется несправедливым, что меньшинство управляет большинством, однако они усматривают несправедливость в том, что меньшинство не соблюдает законы. Следует отметить, что у респондентов либеральные ценности, в частности индивидуализм, находят отклик.

Это подтверждается тем, что среди считающих справедливым передачу большинством своих политических полномочий меньшинству наблюдается высокий уровень интернальности. Молодые люди считают, что в политике все зависит от них самих. В их иерархии демократических ценностей первые ранги занимают свобода, права человека и личная независимость, хотя в отличие от предыдущей группы они не согласны с экономическим расслоением, очевидно, относя себя, скорее, к бедным, чем к богатым. Разделяя либеральные представления о демократии, они в то же время считают, что государство должно проявлять заботу о больных, старых и детях. Исключение составляют сторонники анархистских идей.

Негативное эмоциональное отношение к политике опрошенные демократической ориентации мотивируют ошибками правительства, отсутствием у власти твердости, несправедливостью и ложью. Вообще, моральные основания в отношении респондентов к власти доминируют и в этой группе, как и в младшей по возрасту. Так, обнаружилась связь между представлением о слабости власти и ее корыстности. Респонденты, которые верят, что политики могут стремиться к власти ради общественной пользы,— люди с высоким уровнем интернальности. Будучи бескорыстными, они допускают, что политики могут не быть аморальными. Но и у тех, кто верит в чистую политику, и у тех, кто в нее не верит, у тех, кто стоит на демократических или социалистических позициях либо является консерватором, эмоциональное отношение к власти базируется на нравственных оценках.

Поведенческие **реакции** этой группы респондентов связаны преимущественно с избирательной активностью, как и в целом по выборке. Выяснилась важная закономерность: зафиксирована корреляция между нежеланием принимать участие в выборах и высокой интернальностью неудач. Это означает, что респонденты, которые винят себя в неудачах (в отличие от тех, кто приписывает себе все свершения), отказываются от политической активности даже в самой простой форме — избирательной.

В то же время значимыми формами политической активности оказались забастовка, участие в митингах. Активное участие граждан в политике как ценность демократии понимается нашими респондентами весьма своеобразно: ценность ассоциируется у них с сильным государством. В достаточно авторитарном духе высказываются многие сторонники демократических идей из числа респондентов этой группы. Терпимость как показатель демократичности на поведенческом уровне проявила только одна респондентка.

Группа 25—35-летних

Первичная политическая социализация у этой группы совпала с «похолоданием» в политической жизни страны после хрущевских реформ, приведшее к выхолащиванию идеалов коммунизма и росту политического цинизма и безверия. Образ системы уже потерял в тот период свою привлекательность. Но дети, входившие в политический мир в те годы, продолжали воспринимать свою страну как могущественную и устойчивую. Ресоциализация, начавшаяся в 1985 году, застала их взрослыми, сложившимися людьми. Получившие опыт достаточно циничного отношения к политике 25—35-летние граждане не воспринимали происходящее как трагедию. Однако ряд ценностей, воспитанных на ранних этапах политического созревания, прочно засел в их сознании и отражается в поведении.

Опрошенные получили, как правило, довольно жесткое семейное воспитание. Отцы были для них непререкаемыми авторитетами. Один респондент охарак-

теризовал своего отца как грубого и несправедливого. К обсуждению взрослых проблем детей не допускали. Другой респондент дал характерное определение свободы: «свобода — это когда мамы нет дома». Однако авторитарность семейной власти была для них чем-то естественным и не рассматривалась как посягательство на права ребенка. Это подтверждается и тем фактом, что со своими детьми они хотели бы повторить те же отношения типа «учитель—ученик».

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез. Представления о политике данной когорты отличаются значительной адаптивностью к новым официальным ценностям. Об этом свидетельствует тот факт, что респонденты признают вполне справедливым имущественное неравенство, как, впрочем, и неравенство социальное. Первое в их сознании коррелирует с допустимостью власти над ними отдельных людей, второе — с терпимостью в отношении граждан других национальностей. То, что государство не заботится должным образом о социально незащищенных слоях населения, их не беспокоит. Очевидно, сами себя, они к таким слоям не причисляют, во всяком случае, принимая жизненно важное решение, не пойдут ни с кем советоваться. Респонденты данной возрастной группы гораздо более, чем предыдущие когорты, опираются на самих себя, принимая эталоны антиэтатизма и элитаризма, которые были предложены им официальной идеологией последних лет.

Из ценностей демократии особое место в группе занимает следование законам. При этом понимание демократии, прежде всего как соблюдение законов, коррелирует у 25—35-летних с такой ценностью, как сильное государство, с признанием того, что и данный режим — сильный. Те, кто отождествляют демократию с законностью, чаще имеют сходные политические взгляды с родителями. Они предпочли бы иметь со своими детьми отношения равных.

Интерес к политике у этой возрастной когорты в целом выше, чем у других групп. Отметим, что интересующиеся политикой одновременно ассоциируют ее с сильным государством и, возможно, поэтому видят для демократии в России не очень много шансов. Очевидно, информированность о политике не вызывает у опрошенных оптимистических ожиданий.

Эмоциональный срез. Отношение большей части данной группы к политике — безразличное или отрицательное. Только у одного респондента была позитивная установка. Отношение к власти с возрастом становится более спокойным и менее эмоциональным. Власть ругают за слабость, некомпетентность, но, как правило, признают ее. Примечательно, что рациональные и эмоциональные оценки политики как института и политических деятелей у наших респондентов не совпадают. Другое противоречие в восприятии обнаруживается при сравнении тех, к кому наши респонденты испытывают доверие и симпатию. Оказалось, что объекты этих чувств не совпадают.

Поведенческий срез политических представлений в когорте характеризуется большей ответственностью, терпимостью, стремлением к социальной самореализации. Эта группа отличается большей политической активностью по сравнению с иными возрастными когортами. Среди 25—35-летних активность как ценность демократии занимает высокие ранги. Обращает на себя внимание значимая негативная корреляция между активным участием граждан в управлении и оценкой конструктивной роли оппозиции в российской политике. Эту закономерность можно понять как признак нетерпимости активных «демократов» в отношении к оппозиции.

Группа 35—45-летних

Первичная политическая социализация. Поколение, родившееся в 1949—1959 годах, помнит развенчание культа личности Сталина и демонтаж его памятников. Младшие же представители когорты приобретали опыт знакомства с политикой при Н. Хрущеве и отмечали как запомнившееся событие его снятие с должности. Юношеский период политической социализации поколения проходил

на фоне общественного подъема (запуск первого спутника, расцвет науки и образования, политическая «оттепель»). Однако в сознании этой возрастной группы отпечатался и страх, связанный с прошедшей войной и ее возможным повторением в ядерном варианте. Родители требовали от детей, чтобы те помалкивали, хорошо усвоив уроки сталинских репрессий. С детьми не говорили о политике и других взрослых проблемах. Но этот страх уже изрядно ослабел. Наши респонденты запечатлели в своей памяти многочисленные политические анекдоты, пространство которых — наглядный показатель отступления тоталитаризма, роста критичности в отношении всех авторитетов: от вождей до учителя в школе. Одновременно исследование показало, что скрытое тяготение к сильной власти, заложенное в первых детских впечатлениях, осталось в их сознании.

Когорта 35—45-летних переживает в последнее десятилетие вторую ресоциализацию. Первая была связана с разрушением политической картины мира после разоблачений сталинизма на XX съезде КПСС. Естественно, люди, которым сейчас 35—45 лет, тогда не осознавали в полной мере происходящего в политической жизни страны поворота. Но в памяти опрошенных сохранились следы хрущевской «оттепели», что свидетельствует о пережитых чувствах страха и тревоги, вызванных нестабильностью, потерей ясности и безусловных авторитетов. Вторая ресоциализация, начавшаяся в конце 80-х годов, оживила ту смесь чувств надежды и бессознательной тревоги, которые наши респонденты испытывали однажды, но уже применительно к нынешней власти. Во всех интервью они возвращаются ко времени своего детства как к своего рода «золотому веку».

Сложно проинтерпретировать проявившиеся авторитарные тенденции в поведении прямым переносом моделей первичной социализации на зрелое политическое сознание. У всех респондентов семейная социализация носила авторитарно-патриархальный характер. У «демократа» был опыт доминирования в семье, между тем как «аполитичный» и «коммунист» выросли в иерархичных и строго контролируемых семьях, где был диктат матери, бабушки или деда. С детьми не советовались, опека взрослых была подавляющей.

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез характеризуется более выраженным интересом к политике. Возможно, это связано с профессиональным и образовательным профилем группы (менеджер, программист, инженер и т. д.). Однако информированность о политике не связана напрямую с точной политической идентификацией. Среди опрошенных есть и «демократы», и «коммунисты», и «аполитичные». У тех, кто назвал себя коммунистом, представления о демократии ассоциируются с сильным государством, с ответственностью и соблюдением законов. У демократов иная последовательность предпочтений: права человека, сильное государство, соблюдение законов. Отметим, что воззрения и левых, и правых в равной степени носят, скорее, эгалитаристский характер, между тем как аполитичный респондент (консультант в сфере бизнеса) по своим убеждениям — элитарист. Следует также иметь в виду, что воззрения представителей этой группы включают признание сильного государства как необходимый элемент демократии.

Одна из важных особенностей либерального сознания респондентов данной группы — их понимание свободы как демократической ценности. Ни в одной другой возрастной когорте мы не встречали отрицательной корреляции между признанием справедливости того, что меньшинство должно управлять большинством (т. е. элитаристской установкой) и свободой как ценностью демократии. Это может означать одно из двух: или наши элитаристы — не либералы, или то, что свобода у них ассоциируется с чем-то имеющим негативный смысл. Опрос показал, что вторая гипотеза оказалась верной. В этой группе свобода всегда вдет в паре с равенством, что связано с особенностями их политического созревания. Они с детства прочно усвоили лозунг Французской революции «Свобода. Равенство. Братство» и ассоциируют его с прежним советским строем.

Из всех эмоциональных реакций на политику выделяются *недоверие* к политическим институтам и лидерам и *недовольство* современными властями.

Корреляционный анализ показал, что эти негативные политические эмоции коренятся в восприятии режима как слабого. Такой режим не вызывает уважения, с ним можно не считаться и не интересоваться проводимой им политикой. Недовольство нынешней политикой в России коррелирует и с отрицанием отношений равенства и партнерства, характерных для авторитарной личности. Примечательно, что проявления авторитарности не осознаются респондентами, которые себя на рациональном уровне отождествляют с демократическими ориентациями.

Подтверждением этой гипотезы стали следующие факты. Респонденты, которые считают сильное государство ценностью демократии номер один, верят в то, что власть нужна политикам, чтобы командовать. Эта значимая корреляция дополняется еще одной деталью. Опрошенные, которые считают необходимым немедленно вывести войска из «горячих точек» России, признают над собой власть не государства и не закона, а именно начальства.

Эмоциональный портрет группы дополняет столь же противоречивое, как и у более молодых респондентов, сочетание чувств и мнений. Опрошенные испытывают «нелогичные» политические симпатии: коммунисту нравится Г. Явлинский, аполитичному — А. Собчак, а стороннику блока «Яблоко» — Е. Гайдар. Респондент, назвавшийся демократом, в равной степени готов видеть на посту Президента России таких разных политиков, как Б. Ельцин, В. Черномырдин и В. Жириновский.

Поведенческие реакции. Хотя уровень активности в данной группе не выходит за рамки участия в избирательном процессе, между поведенческими реакциями и политическими взглядами существует довольно сложная зависимость. Авторитарное подчинение сочетается с относительно высоким уровнем активности. Здесь 35—45-летние не похожи на респондентов из других групп. Признание необходимости для рядовых граждан участвовать в управлении государством сочетается у них с толерантностью к оппозиции и признанием ее конструктивной роли в российской политике. Одновременно вектор этой активности направлен на установление более жестких законов в отношении приезжающих в Россию лиц иных национальностей.

«Демократические» и «авторитарные» тенденции в личности сочетаются довольно причудливо. Так, например, «коммунистка» — женщина с высоким уровнем локуса-контроля — политически терпимая, с чувством ответственности, на поведенческом уровне демонстрирует приверженность демократическим образцам. «Демократ» характеризует себя как самостоятельного, сильного, доброго, но его больше всего внутренне заботит «нехватка власти». Этот человек навряд ли осознает свои отношения с властью, так как на вербальном уровне отмечает стремление подчиняться, а не управлять. Его демократические взгляды выражены в когнитивной сфере, но не проявляются на поведенческом уровне.

Группа 45—55-летних

Первичная политическая социализация. К этой возрастной когорте принадлежат те, кто родился во время или сразу после войны. Многие испытали военные лишения. Первичная семейная социализация и начало школьного этапа проходили в условиях страхов тоталитарного общества. Из событий своего детства они называют «дело врачей», смерть Сталина, XX съезд партии. Позже они пережили страх перед ядерной войной, шпиономанию. Один из респондентов рассказал о соседе-диссиденте, за которым следил КГБ, и о том, что его родители пускали этого человека в свой дом позвонить не без серьезных опасений.

В то же время детская картина мира, как она воссоздается из интервью, состоит из устойчивых и позитивных установок по отношению к системе, включая самые нелепые стереотипы пропаганды. Например, одна из опрошенных в детстве думала, что «у нас самая сильная страна, а другие живут очень плохо, роются в помойках; негры в США все спят на улицах». То, что она сама живет в большой

и прекрасной стране, воспринимала как везение, как привилегию. Эмоциональное настроение тех лет во многом определялось победой над фашизмом.

Тип семейной социализации у респондентов сходный: традиционная семья, во главе которой стоял отец. Воспитывали всех строго, но наказывали редко. Неудивительно, что три четверти респондентов считают необходимым наложить запрет на деятельность тех или иных политических партий и недовольны безвластием. Этот взгляд явно коррелирует с их опытом первичной социализации.

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез. Все опрошенные пережили серьезную ресоциализацию. Их нынешние взгляды сильно сдвинуты в сторону демократических ориентации, которые окрашены в эгалитаристские и этатистские тона. Респонденты, считающие несправедливым имущественное расслоение, в то же время смиренно признают над собой власть отдельных людей. Те же, кто не видит в таком расслоении большой беды, осознают отличие своих взглядов от представлений родителей. Некоторые признают, что закон достаточно надежно защищает россиян от преступности. Это люди, которые признают над собой власть закона. Те, кто так не думает, считают себя вправе участвовать в забастовке. Последний показатель говорит о неосознаваемой логике респондентов: раз закон не наказывает тех, кто угрожает жизни, то уж тем более он не вправе карать тех, кто всего лишь бастует. До сих пор забастовка для этого поколения — форма политического участия, нарушающая советскую традицию. Для них преступить это табу равносильно тому, чтобы преступить закон. Когда это происходит, никто уже не считается с тем, вписывается ли забастовочная форма в некие легальные формы или нет.

Вообще участие в забастовках оказалось значимым моментом только для данной когорты. Респонденты, готовые к забастовке, идут на это, скорее, от отчаяния, чем потому, что считают забастовку формой демократического волеизъявления. Последнее подтверждается отрицательной корреляцией между готовностью к забастовке и высоким уровнем локуса-контроля. То есть граждане, которые готовы принять участие в забастовке, приписывают причины всего с ними происходящего внешним факторам (начальству, судье, другим людям, но не самим себе). Особенно это касается неудач, причины которых они также ищут во внешних обстоятельствах жизни. Корреляция между данным фактором и участием в забастовках показывает, что последнее видится опрошенным как признание полного фиаско в жизни в целом.

Понимание демократии выдержано в духе легализма. Большинство представителей этой возрастной группы ставит соблюдение закона на первые места среди ценностей демократии. Важным им кажется и соблюдение прав человека. Здесь проходит водораздел между «демократами» и «коммунистами» (у последних права человека занимают 6-й ранг в отличие от 1-го и 2-го у демократов).

Эмоциональное отношение к политике в группе 45—55-летних ярче всего окрашено *моральными* категориями (честность, порядочность). В современных политиках их возмущают рвачество, хамелеонство, потворство преступлениям, национализму. При общей негативной установке к политике когорта сохраняет общую поддержку системе. Поразителен их оптимизм в отношении будущего демократии в России на фоне малого интереса к политике в сочетании с высоким уровнем субъективного контроля. Это означает, что перед нами — люди, опирающиеся на себя, не ждущие помощи от государства. В то же время их оптимизм основан не на рациональном расчете, а на вере, на политическом «идеализме и романтизме».

Поведенческие реакции. Три четверти респондентов готовы участвовать в политике в качестве избирателей. Лишь один опрошенный демократической ориентации считает для себя возможным поддерживать политическую партию. Все члены этой группы на поведенческом уровне предпочли бы демократические модели взаимодействия с людьми (в частности со своими детьми они хотели бы иметь не авторитарные, а партнерские отношения). Но эти же люди проявляют нетерпимость к инакомыслящим, считают необходимым ужесточить законы по

отношению к тем, кто преступает нормы морали, ввести более жесткие законы против приезжих другой национальности. Последний показатель коррелирует с представлением о демократии как о сильном государстве.

Группа 55—65-летних

Первичная политическая социализация. Тех, кто родился в 1929—1939 годах, принято называть «шестидесятниками», или «детьми XX съезда». У них есть четко очерченная поколенческая психология. Именно выходцы из этой когорты — М. Горбачев, Б. Ельцин и их сподвижники — совершили демонтаж советской системы. Их судьба была непростой: они пережили войну, сталинские репрессии, хрущевскую «оттепель», брежневские «заморозки» и перестройку. Большинство представителей этой группы в сталинские годы были «истинно верующими» в социализм, их вера была подорвана XX съездом. Второй раз их ресоциализация совпала с перестройкой, сторонниками и активными участниками которой они стали и с завершением которой многие из них сошли с политической сцены.

Нынешние политические ценности. Респонденты определяют себя как «либералов», «социал-демократов», «коммунистов» и «монархистов». Однако анализ **когнитивных представлений** приводит к выводу, что их самоидентификация не совсем точна. Так, одна из опрошенных, считающая себя сторонницей социально ориентированных реформ и отдающая предпочтение политической активности, личной независимости, правам человека и свободе как ценностям демократии, высказалась за то, что для «России необходимо иметь власть во главе с мудрым и осторожным политиком». Другой респондент — «коммунист» — признает необходимость насильственных методов для решения социальных проблем, что не мешает ему считать главными ценностями демократии права человека, свободу, равенство и соблюдение законов. При этом он критикует нынешний режим как недостаточно демократичный, а не как антикоммунистический. Наиболее противоречивые взгляды у «либерала»: в одном случае он характеризует демократию как соблюдение законов, в другом — акцентирует равенство и ограничение свободы слова ради сохранения государственности «вплоть до жестких, насильственных мер».

Анализ когнитивных структур выявил общие для группы тенденции: черно-белый тип политического мышления, идеализацию прежней жизни, к которой они были лучше приспособлены, сознание, хотя и противоречивое, но наиболее структурированное, по сравнению с другими возрастными группами. Для когорты (весьма малочисленной) характерно наибольшее число значимых корреляций.

Прежде всего представление о несправедливости резкого обнищания большинства населения, которое коррелирует с тем, что богатое меньшинство и в политике управляет бедным большинством. Наши респонденты полагают, что резкое экономическое расслоение несовместимо с такими демократическими ценностями, как свобода, личная независимость и сильное государство. Те, кто не приемлет экономического неравенства, хотят закрыть границы от соседей, считают возможным запретить некоторые партии и не принимают отношений с детьми как с партнерами. Последние три высказывания свидетельствуют о наличии вполне отчетливых авторитарных установок.

Эмоциональное отношение к власти основано на большем доверии, чем у предыдущих групп. Для когорты характерна негативная установка к настоящему и позитивная — к прошлому, но их прежняя вера в реформы до сих пор не утрачена. Это во многом объясняется детскими образами власти, которые эмоционально доминируют в сознании респондентов и опрокинуты на большую политику. Все респонденты прошли авторитарную социализацию, хотя политическое содержание переданных им семьей ценностей весьма различается. Например, респондентка социал-демократической ориентации идеализирует своего отца — царского офицера, не разделявшего официальных ценностей. «Либерал» считает, что получил строгое, но справедливое воспитание. Ему не позволяли вольностей,

не разрешали участвовать во взрослых разговорах. Он и сейчас предпочитает подчиняться и негативно относится к радикалам. «Коммунист» под влиянием семьи через всю жизнь пронес сильную веру в авторитеты, разрушенную перестройкой. Сейчас в его душе опустошенность и незащищенность, которые он пытается заполнить хотя бы таким авторитетом, как представительная власть, но и она не вызывает у него прежних чувств.

Поведенческие реакции данной группы характеризуются замкнутостью и конформностью. Респонденты не всегда уверены в себе (у них самый длинный, по сравнению с другими группами, список тех, с кем они будут советоваться, принимая сложные жизненные решения). Уровень активности в целом низок. К власти они не стремятся, предпочитая подчиняться.

Группа 65—85-летних

Первичная политическая социализация. Жизнь самого старшего поколения респондентов проходила на фоне двух русских революций и гражданской войны, коллективизации и репрессий, становления и разрушения социализма. Многие из них политику оценивают не столько сквозь призму давних впечатлений, сколько под влиянием условий жизни последнего времени. Среди факторов, воздействующих на их восприятие происходящего, наиболее значимым оказалось семейное положение. Из шести респондентов только у одного есть семья, остальные — вдовы и вдовцы. Половина из них тем не менее довольна жизнью, объясняя это не тем, что они имеют сейчас, а тем, что прожили ее с честью.

Семейная социализация данной группы обуславливала выработку навыков подчинения. Всех респондентов в детстве наказывали за непослушание, причем только одну из опрошенных ругали, к остальным применяли меры физического воздействия. Это относилось и к мужчинам, и к женщинам, выходцам из разных¹ социальных слоев. Взгляды этих людей полностью совпадают с родительскими, зато расходятся со взглядами их детей.

Характер первичной социализации странным образом сказался на представлениях респондентов о власти. Все, кроме одного, признают над собой власть государства и законов, но не приемлют ни власти начальства, ни власти отдельных людей. Откуда этот протест? Связан ли он с пенсионной свободой в повседневной жизни или это реакция на авторитарное подавление, которая прорвалась в старости? Во всех случаях данная возрастная группа не желает более личной зависимости, хотя и привыкла быть законопослушной. Стремление к независимости представителями этой группы не осознается, о чем свидетельствует тот факт, что личная независимость как ценность демократии стоит у них на последнем месте.

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез. Старшее поколение мало интересуется политикой, но представляет себе политическую ситуацию достаточно верно, получая сведения из средств массовой информации. Среди них нет ни одного, чьи взгляды не вписывались бы в этатистские и эгалитаристские формы. Все они признают несправедливым происходящее имущественное расслоение. Они считают аморальным отказ государства заботиться о престарелых, больных, о безопасности граждан. Примечательно, что эти взгляды никак не связаны с тем, за кого респонденты голосовали на последних выборах.

Хотя нынешние взгляды опрошенных не остались неизменными, трое из пяти идентифицируют себя с коммунистами, двое называют себя аполитичными. Это может показаться нелогичным, если учесть, что они лояльны к нынешней власти, а доверие и симпатию испытывают не к Г. Зюганову и В. Анпилову, а к политикам демократической ориентации. Естественно, речь идет о словесном одобрении, а не о реальной политической активности.

Представления о демократии у этой группы прежде всего связаны с равенством и свободой. Среди демократических ценностей ответственность находится на третьем месте. Демократия не только не воспринимается пожилыми людьми как

условие развития личности, но, скорее, наоборот, видится как форма подчинения личности государству.

Эмоциональное отношение к политике формируется в группе на общем пессимистическом фоне оценки собственной жизни и будущего России. Это не мешает респондентам проявлять позитивные установки в отношении Президента, государственных институтов, власти как таковой. Они негативно воспринимают анархию, распад государства, слабость армии, разрушение авторитетов, спекулятивные тенденции в экономике.

Поведенческие реакции определяются теми же возрастными возможностями. Только один респондент готов принять участие в забастовке, остальные собираются участвовать в выборах. Идентификация с компартией не ведет ни к каким поведенческим последствиям.

Подведем некоторые итоги.

1. Изменения политических взглядов в ходе ресоциализации произошли во всех возрастных группах, хотя их результаты оказались весьма различными. Новые политические ценности встраиваются в сложившуюся личностную структуру в контексте той деятельности, которая доминирует у данного человека. При этом перемены затрагивают поверхностные слои личности, в то время как ее более глубокие пласты остаются неизменными.

Политические представления нередко находятся в противоречии между собой. Эти случаи описаны применительно к стабильным обществам [8]. Но в ситуации политического кризиса, который сейчас переживает Россия, противоречивость политического сознания достигает высокого уровня, гранича с раздвоением личности. В нашем исследовании наблюдалось не только мучительное сосуществование прежних авторитарных и новых демократических взглядов, но и несоответствие между рациональным одобрением одной ориентации и эмоциональной симпатией к противоположной. Отсюда такие казусы, когда один из опрошенных, назвавший себя аполитичным, идет с автоматом защищать Моссовет в октябре 1993 года.

2. В литературе подробно описаны различные проявления авторитарной личности [9], есть достоверные данные относительно зависимости между их психологическим симптомокомплексом и типом первичной семейной социализации. Гораздо меньше известно о том, какой тип социализации способствует становлению «демократической личности». Не менее дискуссионен вопрос: в какой мере авторитарный или демократический типы поведения — результат воздействия на личность политических и социальных условий, а в какой — определяются личными склонностями, самим профилем личности?

Уже первые результаты исследования показали, что многие расхожие стереотипы должны быть поставлены под сомнение. Один из таких стереотипов, имеющий широкое хождение в последние годы,— называть всех, кто родился и вырос в тоталитарном обществе, «авторитарными личностями». Наши опросы не подтверждают этого. Старшие возрастные группы, родившиеся и жившие в тоталитарной политической системе, ничуть не авторитарнее ни в психологическом, ни в собственно политическом смысле. Они более склонны принимать идеи эгалитаризма и этатизма, чем молодые группы, но при этом их лояльность нынешней власти выше, они ответственнее и дисциплинированнее, чем их младшие сограждане. Здесь не чаще, чем в других группах, встречаются закрытость мышления, отказ от равенства и справедливости. Пожалуй, единственное исключение — группа 55—65 лет, где есть значимые данные относительно большей закрытости и стремления доминировать.

3. Представления наших респондентов о демократии оказались весьма разнообразными. Примечательно, что большинство опрошенных на вербальном уровне

позитивно воспринимает демократические ценности, отождествляя себя с демократией и демократами. Но понимание демократии в разных возрастных группах отличается. Так, в младших преобладают акценты на таких ценностях демократии, как свобода, права человека, личная независимость. Замыкают список участие граждан в управлении и ответственность. Чем старше опрошенные, тем более важными они считают для демократии ответственность и равенство, а у более молодых на первый план выходят элитаризм и антиэтатизм.

4. Не наблюдалось у наших респондентов и совпадения психологических и политических тенденций авторитарности [10]. Напротив, часто политические и личностные проявления расходились. Многие респонденты, отождествляющие себя с демократией в политике, на поведенческом уровне демонстрировали выраженную авторитарность. В то же время «идейные» коммунисты могли продемонстрировать политическую терпимость, широту взглядов и ответственность. Однако и у тех, и у других отмечался недостаток, без которого демократическую личность трудно представить: политическая активность оказалась низкой во всех возрастных и социальных группах.

И последнее замечание. Шансы на развитие демократических тенденций в нашей политической системе вполне реальны несмотря на наличие тенденции авторитарного порядка. Однако сравнительные исследования показывают, что авторитаризм — не чья-то исключительная национальная принадлежность. Расхожие представления об авторитарности российской политической культуры — либо тенденциозность, либо следствие незнания зарубежного опыта.

Одно из важных условий того, чтобы эта возможность осуществилась, — консолидация политической элиты, выработка демократических ценностей, адекватных нашей политической культуре, в которой конфигурация демократических идей отличается от западных и восточных образцов. Можно предположить, что на российской почве приживутся не столько либеральные и антиэтатистские, сколько социалистические и этатистские образцы демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Handbook of Political Socialization. Theory and Research*/Ed, by D. Schwartz. New York, 1977.
2. *Merelman R. M. Culture and Political Education*//*Micropolitics*. 1981. № 1. P. 215—238.
3. *Handbook of Political Socialization Theory and Research*/Ed, by D. Renshon. New York, 1977.
4. *Adono T. W., Frenkel-Brunswick B., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality*. New York, 1950.
5. *Altemeyer B. Right-wing Authoritarianism*. Winnipeg, 1981.
6. *Sniderman P. Personality and Democratic Politics*. Berkeley, 1975.
7. *Rotter J. B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement* // *Psychological Monographs: General and Applied*. 1966. № 80.
8. *Niemy R., Weisberg H. E. Controversies in Voting Behavior*. 2nd ed. Washington, 1984.
9. *Kirscht J. P., Dillehay J. Dimensions of Authoritarianism*. Leyington Ky, 1967.
10. *Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология*. М., 1994. С. 274, 275.